

Юрий Варыгин,
19 лет, 1956 год

Юрий Варыгин: «Это было недавно, это было давно...» Прости, Серко!

лагать, утомился. В обеденный перерыв на потеху женщинам и молодым девчонкам мы устроили лошадиные гонки. Удалой паренек Ленка Зарецкий на Карьке, а я на своем Серке. Подзвонкий смех и улюлюкание взрослых носились по полю. «Давай, Юрка, давай!» - кричала моя одноклассница Светка Деньгина, и я старался, как мог, лишь бы быть первым.

Поставили мы в тот день много зародов. И возвращались довольные собой. Я, в качестве возницы, знай, покрикивал: «Но, Серко, но!..» А женщины второй бригады, теперь уж и не вспомню, кого как величали, усталые, но счастливые, что поработали неплохо, пели одну песню за другой, а я им с удовольствием подтягивал. «Хороший у тебя голос, Юрка, - кричали они. - Пой, артистом будешь! Отец-то твой и пел хорошо, и на бала-лайке играл. Пой!» - и

начинали новую песню. Ах, какие тогда были песни! Начинала Александра Дорофеева (вспомнил я ее), а остальные дружно подхватывали: «Течет речка по песку с Дальнего востока, а за девицею матрос гонится далеко...» Песни сменялись озорными частушками: «Я на печке сижу, нитки сматываю, каждый день трудодень зарабатываю»

Весело вьется дорога, Серко бежит бойко. Но вот он побежал медленнее, ноги его стали заплетаться, и вскоре он совсем остановился. «Но! Но!» - кричу я на него, но мой Серко не реагирует. Стоит, как вкопанный. Бабы... извиняюсь, женщины пососкакивали с телеги. До деревни оставалось немного, и они пошли пешком, чтобы вовремя подоить коров, а мы с племянником Вовкой остались наедине с лошадью. «Но! Но!» - задергал я вожжами, но Серко стоял памятником на дороге. Я хлестнул его по бокам вожжами, - не

реагирует. Потом он пошатнулся и вместе с телегой повалился набок. Мы со слезами на глазах, перепуганные, стали его рассупонивать, пытаюсь снять с него хомут. Но все было тщетно. Серко захрипел, вытянулся и... испустил дух. Отчаянно нашему не было предела. «Скорее беги на базу! - приказал я племяннику (я был постарше его) - и зови Николая Гладышева, пусть скорее бежит сюда». Главный конюх появился быстро. Посмотрел на коня - и только развел руками. «Загнали коня, сердце не выдержало, - сказал он. - Идите домой».

Домой мы пришли унылые, за ужином молчали. «Что-то вы невеселые сегодня?» - спросила моя родная сестра Галина Яковлевна (она воспитывала меня вместе со своими детьми Вовкой, Алькой, Толькой и Сашкой, так как к тому времени у меня давно уже не было родителей). «Устали» - односложно ответили мы. Какое уж там веселье - еда в горло не лезла. В голове свербила одна мысль: «Что будет, что будет?» Времена тогда были суровые, еще жив был Сталин. Ведь могли нас и осудить: загнали, дескать, колхозную лошадь...

Но новому мужу сестры Михаилу Федоровичу Кушнiru (прежний ее муж, Илья Иванович

Соколов, умер) мы решили открыться. Это произошло на футбольном поле за деревней. «Успокойтесь, парни, - сказал он нам, - все будет нормально. В тот же вечер он поговорил с Николаем Гладышевым. Не знаю, о чем они говорили, но все обошлось. Главный конюх колхоза человек был хороший, веселый. В обиду нас не дал, а только посоветовал: «Вы, тудыть вашу мать, в скачки-то играйте, да меру знайте, а не то...» И Галине Яковлевне, Вовкиной матери, он тоже ничего не сказал, а то бы слез было - не оберешься, была она очень сердобольной.

Уж сколько лет прошло с тех пор... Вовки уже давненько нет на свете, ушли из жизни и Галина Яковлевна, и Миша Кушнир, и Николай Гладышев, и многие другие, а дорогое по сердцу время помнится. И лошадь та до сих у меня пред глазами, как живая. Милый Серко, прости меня. Когда-то ты приносил мне много радости и счастья. Но вот как все получилось...

... На дворе Год лошади. Он продолжает свой бег, хотя давно уже лошадь не имеет такого значения в нашей жизни, как раньше. Спасибо ей за все, что она сделала для нас!

Юрий ВАРЫГИН,
с. Казачинское

Год лошади закулил удила. Жизнь стремительно мчится вперед, оставляя позади прожитые годы, а впереди, несмотря на возраст и хвори, и надежды и мечты о лучшей жизни. И чем старше становлюсь, тем чаще вспоминаю далекое детство в Рождественском. Оно было голодным и холодным, но интересным и занимательным. Нет, не Интернетом и компьютерами, а деревенской насыщенной жизнью, связанной с колхозными полями и лошадьми.

Когда начиналась сенокосная пора, все от мала до велика занимались уборкой сена. Не обходила стороной эта доля и меня. В памятные пятидесятые я был уже почти взрослым парнем, ставил в своем театре в амбаре концерты и спектакли и всю дружил с девушками. Причем лихо гарцевал на лошадях (обогнать меня мало кому удавалось) и не боялся забираться на самые верхушки исполинских кедров. Сейчас об этом подумать страшно, сразу голова начинает кружиться, а тогда все было нипочем, лишь бы девчонки об этом знали.

А после лошадиных скачек без седла я, бывало, ходил враскорячку, а то место у меня на теле, на которое приземлялся при скачке, было в коростах от не успевающих заживать ран. Гоняли мы лошадей и в ночное, и в жаркие летние дни, на

Уж сколько лет прошло с тех пор... Вовки уже давненько нет на свете, ушли из жизни и Галина Яковлевна, и Миша Кушнир, и Николай Гладышев, и многие другие, а дорогое по сердцу время помнится. И лошадь та до сих у меня пред глазами, как живая. Милый Серко, прости меня.

